

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>

UDC 94“04/14”:008
LBC 63.3(0)4-7

Submitted: 01.02.2019
Accepted: 26.07.2019

CHARON OR CHAROS? LANGUAGE GROUPS AND CULTURAL LEVELS IN THE BYZANTINE SOCIETY OF THE 9th – 12th CENTURIES

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. In Byzantine culture (as in “popular” and elitist) the image of Charon/Charos did not have one name taken by all social groups. Sources (both folklore and rhetorical) simultaneously use several variants of the name of this image from the other world. Charon in Byzantine folklore and Byzantine literary tradition is represented by different images with different names. That is, socially dispersed groups had their own ideas about Charon/Charos, but they called him in their own way. Interestingly, the variability of the name of Charos in Byzantine folklore is not associated with a variety of ideas about Charon/Charos. The same character has a series of similar names. The gap in ideas about Charon/Charos appears along with rhetoric, classical education and social privilege. **Methods.** The problematics of our research makes the structuralist methodology the most optimal for the correct reconstruction of medieval chthonic representations in different Byzantine social groups. The extent to which such a methodology can be productive is clearly demonstrated by the works of K. Levi-Strauss, R. Barth, M. Foucault, V. Ya. Propp. On the foundation of the structuralist approach, specific historical methods were used: the comparative, genetic, historical, retrospective ones. **Analysis and Results.** The fact that the Byzantine sources (rhetoric and folklore) record the parallel distribution of several variants of the name, and with them different versions of ideas about Charon/Charos, indicates that formally the Orthodox Byzantine society in the 9th – 12th centuries was a complex set of different social groups and layers with their original chthonic religious settings. In Byzantine culture, due to a series of reasons, there was no single and universal image of Charon/Charos, and hence the image of Hades, and with it all the ideas about afterlife and its inhabitants. Various social groups had their own ideas on these fundamental issues for a medieval man. This chronic variability is indicative of the precarious social links between social strata and groups.

Key words: Charon, Charos, rhetoric, folklore, structure of society, levels of culture.

Citation. Stelnik E. V. Charon or Charos? Language Groups and Cultural Levels in the Byzantine Society of the 9th – 12th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 331-337. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>

УДК 94“04/14”:008
ББК 63.3(0)4-7

Дата поступления статьи: 01.02.2019
Дата принятия статьи: 26.07.2019

ХАРОН ИЛИ ХАРОС? ЯЗЫКОВЫЕ ГРУППЫ И КУЛЬТУРНЫЕ УРОВНИ В ВИЗАНТИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ IX–XII ВЕКОВ

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Вариативные византийские представления о Хароне/Харосе оригинально выражают сложную групповую структуру византийского социума. Исследование образа Харона/Хароса в этом контексте делает возможным увидеть некоторые скрытые стороны византийской социальной истории. В этом смысле средневековые хтонические представления могут быть неожиданным и нестандартным социальным критерием, который аккумулирует в себе повседневные практики и бытовые идеологические конструкции разнообразных социальных групп. С другой стороны, изучение средневековых представлений о Хароне/Харосе поднимает вопрос о византийской массовой религиозности, которая находилась одновременно в оппозиции официальному православию и элитарному эллинизму и в которой традиционно задавали тон архаичные

конструкции и мотивы. Изучение внутреннего содержания представлений о Хароне/Харосе сделает возможным установить причины популярности и распространенности хтонических представлений в византийской культуре.

Ключевые слова: Харон, Харос, риторика, фольклор, структура общества, уровни культуры.

Цитирование. Стельник Е. В. Харон или Харос? Языковые группы и культурные уровни в византийском обществе IX–XII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 331–337. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>

Введение. В византийской культуре (как в «народной» так и элитарной) образ Харона/Хароса не имел одного, принимаемого всеми социальными группами имени. Источники (как фольклорные, так и риторические) одновременно используют сразу несколько вариантов имен этого образа из «нижнего» мира. При этом Харон в византийском фольклоре и византийской литературной традиции – это абсолютно разные образы. Разрыв в представлениях между Хароном и Харосом появляется в источниках вместе с риторикой, классическим образованием и социальной привилегированностью.

Разные византийские социальные группы имели не только свои собственные, обособленные, представления о Хароне/Харосе, но и по-своему его называли. Интересно, что вариативность имени Хароса в византийском фольклоре не связана с разнообразием представлений о Харосе. Харос, как господин «нижнего» мира, просто имеет серию схожих имен.

Методы. Проблематика нашего исследования делает структуралистскую методологию наиболее оптимальной для корректной реконструкции средневековых хтонических представлений в разных византийских социальных группах. Насколько подобная методология может быть продуктивной, ярко демонстрируют работы К. Леви-Строса, Р. Барта, М. Фуко, В.Я. Проппа.

На фундаменте структуралистского подхода использовались конкретные исторические методы: сравнительный, генетический, исторический, ретроспективный.

Анализ. Византийские риторы IX–XII вв. в своих сочинениях говоря об этом персонаже «нижнего» мира использовали исключительно древнегреческое имя *Χάρων*. Это, безусловно, реверанс классическим древнегреческим авторам.

В таком античном контексте имя *Χάρων* употребляли – автор «Мириобиблиона» и «Словаря» патриарх Фотий (ок. 820 – ок. 891 г.) [26, page 443b. Line 13; 25, alpha 774. line 1; 27, Καρρα 132. Line 24; Καρρα 133. Line 2], неизвестный автор лексического словаря «Суда» (X в.) [31, χη 135], автор схолий Евстафий Солунский (ок. 1115 – ок. 1194 г.) [11, page 27. line 13], историк Никита Хониат (1155–1217 гг.) [23, S. 168, 329, 360], анонимные авторы сатирических диалогов [8, с. 136; 4, с. 98, 115].

У этих византийских риториков Харон – это простая копия древнегреческого литературного персонажа. В этом смысле, использование имени Харон (*ὁ Χάρων*) характерно для узкого слоя высокообразованных византийских литераторов [20, p. 57] и оказывается ярким примером культурного мимесиса. Показательно, что вместе с античным именем авторы воспроизводили и старое «языческое» наполнение образа.

Риторический Харон – это всегда старый грубый афинский моряк, переправляющий на своей барке (*βάρης, σκάφος, πλοιάριον*) души умерших по рекам/озерам Аида. Это стереотипный образ, который возник в поэме Минада [21, fragment 1. line 1], а позже был описан в комедиях Аристофана [1, с. 360] или в сатирических диалогах Лукиана [3, с. 358].

Имя *Χάρων* у византийских авторов – это знак уважения классической литературной традиции, это жест почтения перед непререкаемыми авторитетами.

Таким образом, образ с именем *Χάρων* – это эффект риторической традиции, результат проявлений ее традиционных античных норм и правил. *Χάρων* – это литературный топос, удачная метафора или юмористическая конструкция [24, p. 35]. Такой Харон – это не объект религиозных представлений, а *τέχνη* [25, p. 179], риторический инструмент. Это фигура речи, литературный персонаж искус-

ственной литературы, но и отличительная черта византийской интеллектуальной элиты. По словам Г. Хунгера риторика в византийском обществе является четкой социологической характеристикой, и однозначно выделяет социальную группу риториков среди других византийских социальных слоев [13, S. 21].

За пределами рафинированной византийской риторики можно наблюдать иную картину. Авторы, не получившие элитарного риторического образования, авторы, вышедшие из военной среды, поэты, использующие фольклорные мотивы (это относится даже к такому утонченному эстету как М. Пселл), все еще используют античное имя $\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$, но образ скрывающийся за этим именем, наполняется уже совершенно средневековым содержанием.

У Иоанн Малалы (ок. 491–578) [15, p. 205], Феодосия Диакона (сер. X в.) [32, line 676], Иоанна Геометра (Кириота) (ок. 940 – после 990 г.) [17, p. 949–950], Михаила Пселла (1018 – ок. 1078 г.) [28, poem 17. line 21], Иоанна Скилицы (кон. XI – нач. XII в.) [16, S. 293], Никифора Вриенния (1062–1137 гг.) [22, I. 2, 12–13], Никиты Евгениана (XII в.) [5, с. 22], Георгия Акрополита (ок. 1217–1282 г.) [12, vol. 2. 1. line 4], автора гроттоферратской версии поэмы «Дигенис Акрит» (XIV в.) [9, p. 216, 222, 232] имя $\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$ имеет уже не антикварно-литературное значение, это не искусственный инструмент риторики, а персонаж массовых, фольклорных представлений.

По своему существу такой $\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$, аналогичен Харосу ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$) из акритских песен IX–XII вв., но эстетические нормы действующие в этих жанрах литературы вытесняли «простонародное» имя и заменяли его на литературное ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$). Такой процесс замещения особенно характерен для «народного» историка Иоанна Малалы и военных историков вроде Иоанна Скилицы или Никифора Вриенния.

То что среди этих, по словам С. Мэнго, «среднеобразованных» авторов [20, p. 54] присутствуют такие риторы как Михаил Пселл и Георгий Акрополит, можно объяснить выдающимися литературными талантами последних и их возможностью разговаривать со своей аудиторией на разных греческих языках [14, p. 47]. В этом смысле, варианты имени Харона ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$ или $\text{X}\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$) – это разные

византийские языковые уровни (*Stilstufen*) [14, p. 43], разные культурные традиции, но и разные мировоззрения.

В это же время, фольклорные византийские источники, в отличие от литературной традиции (элитарной риторики или военной истории), отличаются поразительным разнообразием имен бога «нижнего мира». Но, что характерно, античное имя $\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$ не упоминается в акритских песнях IX–XII вв. ни одного разу. Стихия средневековых массовых представлений существовала вне формальных рамок второй риторики.

Харос ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$) [36, с. 291, 292, 295; 35, с. 207, 212, 241], Харонтас ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omicron\text{v}\tau\alpha\varsigma$) [36, с. 291, 304, 306, 307; 35, с. 224], Харон ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omega\text{n}$) [35, с. 235, 250], Хаос ($\text{X}\acute{\alpha}'\omicron\varsigma$) [36, с. 307, 308] – это разные имена одного фольклорного образа смерти. Интересно, что в тексте одной и той же акритской песни Харос легко может называться самыми разными именами [36, с. 293] и такая вариативность не вносит никакой путаницы или разнобоя. Имя образа в акритских песнях легко трансформируется и видоизменяется вместе с контекстом. Столь важные для риторики грамматические правила античных и византийских интеллектуалов просто «растворяются» в повседневной стихии демотического языка, который существовал параллельно книжным нормам и правилам. Не случайно Дж. Лоусон обращал внимание, что отличие между античным именем Харон и византийским именем Харос грамматическое и отражает эволюцию от древнегреческого к новогреческому языку (типичный пример: $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\text{n}$ – $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ – $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\text{n}\tau\omicron\varsigma$) [19, p. 98].

Повседневный демотический язык склонялся к упрощениям и более удобным кратким формам, а выпадение омеги в полной мере соответствует этому стремлению. Показательно, что этот процесс отмечали уже античные грамматиканы [30, verse 277. line 55–61; 10, page 308. line 1–2]. «Народное» имя Харос ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$) просто не могло оказаться в тексте византийских риториков, так как противоречило нормам употребления литературного языка ориентирующегося на древнегреческий аттический диалект.

В византийском фольклоре Харос ($\text{X}\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$) – это самое популярное имя Смерти. По всей видимости, это и самое популярное имя в повседневной простонародной речи. Не

случайно именно само это имя в новогреческом языке приобрело общее значение смерти (χάρος), вытеснив древнегреческое слово θάνατος.

Параллельно имени Харос в акритских песнях присутствует и другая форма – Харонтас (Χάροντας). По мнению Г. Бабиниотиса имена Харос и Харонтас взаимозаменяемые и равнозначные синонимы [34, с. 1938]. Кроме этого, имя Харонтас имеет очевидные корни в древнегреческом фольклоре [33, S. 86; 29, S. 222].

Интересно, что вместе с этими именами существовал неожиданный для фольклора вариант имени – Харон (Χάρων [35, с. 223, 235, 236, 246.]). Это имя напоминает античный литературный вариант (Χάρων), но в нем выпавшую омегу заменяет буква омикрон.

В акритских песнях встречается не менее интересная форма имени с потерявшей буквой «р» – ὁ Χά'ος [36, с. 307]. А иногда вместе с «р» выпадает и концевая сигма («ς») и получается совсем видоизмененное имя – ὁ Χά'ο [36, с. 308]. То есть, имя Харос не только сокращается, но и трансформируется до неузнаваемости, что скорее уже имеет не только грамматические основания, но и религиозные причины. Называть сурового бога смерти по его «настоящему» имени может быть опасно, поэтому лучше использовать измененные формы имени или эвфемизмы.

Показательно, что имя Хароса может деформироваться практически до неузнаваемости. В некоторых новогреческих песнях суровый бог «нижнего мира» называется Хироном (ὁ Χείρων) [7, с. 136]. Сомнительно, что это имя является намеком на классического античного кентавра известного знатока медицины, лечебных растений и музыки. Скорее всего, перед нами игра созвучий и лошадиных значений образа Хароса, которого не всегда можно однозначно отделить от его «страшного» коня.

Можно привести простую статистику частоты употребления имени в изученных нами акритских песнях IX–XII вв. из сборников А. Пассова (Carmina Charoneia) [36, с. 291–310] и Н. Политиса [35, с. 169–275]. В 97 акритских песнях имя ὁ Χάρος упоминается 168 раз, ὁ Χάροντας – 43 раза, ὁ Χάρων – 16 раз, а Χά'ος – лишь 5 раз. Что значит такое распределение понять сложно, возможно перед

нами локальные предпочтения, при том, что само религиозное значение образа от этого разнообразия не меняется.

Так или иначе, акритские песни демонстрируют слой хтонических представлений об Аиде и его «господине» Харосе, который не поддается однозначной систематизации из-за своего стихийного разнообразия и вариативности. Но именно это многообразие отличает фольклорного Хароса, как части повседневных представлений, от литературного Харона из рафинированной риторики или сочинений военных историков или поэтов.

Многообразие имен Хароса в массовых византийских представлениях, как их представляют акритские песни X–XII вв., подчеркивает их религиозную специфику. «Народные» византийские представления – это сложный синтез значений и образов, имеющих общие фольклорные корни.

Крайне важно заметить, что вариантность имени Харон, разделение имени на литературное (Харон) и повседневное (Харос) выражает фундаментальное отличие византийской риторической традиции от устной «народной» культуры.

Выводы. Факт того, что византийские источники (риторика и фольклор) фиксируют параллельное распространение сразу нескольких вариантов имени, а вместе с ними и разных вариантов представлений о Хароне/Харосе свидетельствует о том, что формально православное византийское общество в IX–XII вв. являлось собой сложной совокупностью разнообразных социальных групп и слоев со своими, оригинальными хтоническими религиозными установками.

В византийской культуре в силу целой серии разнообразных причин не сложился единый и универсальный образ Харона/Хароса, а значит и образ Аида, а вместе с ним и все представления о загробном мире и его обитателях. В различных социальных группах были свои представления по этим фундаментальным вопросам для средневекового человека. Подобная хтоническая вариативность, на наш взгляд, свидетельствует о зыбких социальных связях между византийскими общественными слоями и группами.

В этом смысле, византийская разорванность социальных связей и акорпоративность,

которую отмечала М.А. Поляковская [6, с. 220], «социальная рыхлость», которую исследовал А.П. Каждан [2, с. 66], – это не только характерные черты средневековой натуральной экономики [18, р. 221–222], но и причины средневекового религиозного многообразия. Обособленность социальных групп и корпораций – это основа вариативности имен Харона/Хароса и самих представлений о смерти и загробном мире. Особенности повседневных практик формировали в разных византийских социальных группах специфическое отношение к смерти и загробному миру и способствовали распространению различных вариантов имени Харона/Хароса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристофан. Избранные комедии / пер. с древнегреч. Адр. Пиотровского; предисл. В. Ярхо; коммент. Адр. Пиотровского, В. Ярхо. – М.: Худож. лит., 1974. – 496 с.
2. Каждан, А. П. Византийская культура (X–XI вв.) / А. П. Каждан. – СПб.: Алетейя, 2006. – 280 с.
3. Лукиан Самосатский. Харон, или Наблюдатели // Лукиан. Сочинения в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А. И. Зайцева. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 357–368.
4. Мазарис // Византийский сатирический диалог / изд. подг. С.В. Полякова, И.В. Феленковская. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 72–128.
5. Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле / изд. подгот. Ф. А. Петровский. – М.: Наука, 1969. – 160 с.
6. Поляковская, М. А. Византия, византийцы, византинисты / М. А. Поляковская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 432 с.
7. Соколова, Т. М. Византийская сатира (Три византийские «путешествия в загробный мир») / Т. М. Соколова // Византийская литература / отв. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Наука, 1974. – С. 122–159.
8. Соколова, Т. М. Еще одно византийское «подражание» Лукиану / Т. М. Соколова // Античность и Византия / отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М.: Наука, 1975. – С. 122–158.
9. Digenis Akritis. The Grottoferrata and Escorial versions / ed. trans. E. Jeffreys. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 400 p.
10. Etymologicum Gudianum // Graecae linguae Gudianum et alia grammaticorum scripta e codicibus manuscriptis nunc primum edita / ed. F. W. Sturz. – Hildesheim: Olms, 1973. – 1282 p.
11. Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes: 4 vols. Vol. 1 / ed. M. van der Valk. – Leiden: Brill, 1971. – 802 p.
12. Georgii Acropolitae. Epitaphius in Joannem Ducam // Georgii Acropolitae opera: 2 vols. Vol. 2 / ed. A. Heisenberg. – Stuttgart: Teubner, 1978. – 120 p.
13. Hunger, H. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum untergang von Byzanz / H. Hunger. – Wien: H. Bohlaus, 1972. – 27 S.
14. Hunger, H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric / H. Hunger // Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979 / ed. M. Mullett, R. Scott. – Birmingham: Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981. – P. 35–47.
15. Ioannis Malalae chronographia / ed. L. Dindorf. – Bonn: Impensis E. Weberi, 1831. – 796 S.
16. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / ed. H. Thurn. – Berlin: De Gruyter, 1973. – 409 p.
17. Joannes Geometra. Carmina varia argumenti sacri vel historici // Patrologiae cursus completus. Series graeca in 161 vol. Vol. 106 / ed. J.-P. Migne. – Paris: J.-P. Migne, 1863. – P. 949–950.
18. Kaplan, M. Pour un modèle économique de l'exploitation agricole byzantine. Problèmes de méthode et premiers resultants / M. Kaplan // Histoire & Mesure. – 1988. – Vol. 3, No. 2. – P. 221–234.
19. Lawson, J. C. Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals / J. C. Lawson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1910. – 664 p.
20. Mango, C. Discontinuity with the Classical Past in Byzantium / C. Mango // Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979 / ed. M. Mullett, R. Scott. – Birmingham: Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981. – P. 48–57.
21. Minyas (fragmenta) // Poetarum epicorum Graecorum: Testimonia et fragmenta: 2 vols. Vol. 1 / ed. A. Bernabe. – Leipzig: Teubner, 1987. – 283 S.
22. Nicephore Bryennios Histoire: Introduction, Texte, Traduction et Notes / ed. P. Gautier. – Bruxelles: Byzantion, 1975. – 409 p.
23. Nicetae Choniatae Historia. Bd. 1 / ed. I. A. van Dieten, J. Aloysius. – Berlin: De Gruyter, 1975. – 636 S.
24. O'Regan, D. Rhetoric, Comedy, and the Violence of Language in Aristophanes' Clouds / D. O'Regan. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 216 p.
25. Persuasion: Greek Rhetoric in Action / ed. I. Worthington. – London: Routledge, 1994. – 277 p.
26. Photius. Bibliothèque: Vol. 1–9. Vol. 7 / ed. par R. Henry. – Paris: Les Belles Lettres, 1974. – 462 p.; Vol. 8 / ed. par R. Henry. – Paris: Les Belles Lettres, 1974. – 446 p.
27. Photius. Lexicon / ed. R. Porson. – Leipzig: C. H. F. Hartmann, 1823. – 316 p.

28. Psellus Michael. *Poemata* / ed. L. G. Westerink. – Stuttgart; Leipzig: B.G. Teubner, 1992. – 550 S.
29. Schmidt, B. *Das Volksleben der Neugriechen und das Hellenische Altertum* / B. Schmidt. – Leipzig: B.G. Teubner, 1871. – 254 p.
30. *Scholia in plutum (scholia vetera et fort. recentiora sub auctore Moschopulo) // Scholia Graeca in Aristophanem: cum prolegomenis grammaticorum varietate lectionis optimorum codicum integra, ceterorum selecta, annotatione criticorum item selecta, cui sua quaedam inseruit* / ed. F. Dübner. – Hildesheim: Olms, 1969. – P. 324–387.
31. *Suidae Lexicon. Bd. 4* / ed. A. Adler. – Leipzig: K.G. Saur München, 1928. – 863 p.
32. Theodosii Diaconi. *De Creta capta* / ed. H. Criscuolo. – Leipzig: Teubner, 1979. – 68 p.
33. Waser, O. *Charon, Charun, Charos. Mythologisch-Archaeologische Monographie* / O. Waser. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1898. – 158 S.
34. Μπαμπινιώτης, Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας / Γ. Μπαμπινιώτης. – Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 1998. – 2318 σ.
35. Πολίτης, Ν.Γ. Ἀκριτικά ἔξομα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ / Ν.Γ. Πολίτης // Λαογραφία. – 1909. – Vol. 1. – Σ. 169–275.
36. *Τραγούδια ρωμαϊκά = Popularia carmina Graeciae recentioris* / ed. A. Passow. – Lipsiae: B. G. Teubner, 1860. – 650 σ.

REFERENCES

1. Piotrovskiy A.D., Yarkho V., eds. *Aristofan. Izbrannye komedii* [Aristophanes. Featured Comedies]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1974. 496 p.
2. Kazhdan A.P. *Vizantiyskaya kultura (X–XI vv.)* [Byzantine Culture (10th – 11th cc.)]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2006. 280 p.
3. Lukian Samosatskiy. *Charon, ili Nablyudateli* [Charon, or the Watchers]. Zaytsev A.I., ed. *Lukian. Sochineniya v 2 t. Vol. 1* [Lucian. Works in 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2001, pp. 357–368.
4. Mazaris. Polyakova S.V., Felenkovskaya I.V., eds. *Vizantiyskiy satiricheskiy dialog* [Byzantine Satirical Dialogue]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 72–128.
5. Petrovskiy F.A., ed. *Nikita Evgenian. Povest o Drosille i Kharikle* [Nikita Eugenian. Tale of Drosilla and Harikle]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 160 p.
6. Polyakovskaya M.A. *Vizantiya, vizantiytsy, vizantinisty* [Byzantium, Byzantines, Byzantines]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, 2003. 432 p.
7. Sokolova T.M. *Vizantiyskaya satira (Tri vizantiyskie “puteshestviya v zagrobnyy mir”)* [Byzantine Satire (Three Byzantine “Travels to the

Afterlife”)]. Averintsev S.S., ed. *Vizantiyskaya literatura* [Byzantine Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 122–159.

8. Sokolova T.M. *Eshche odno vizantiyskoe “podrazhanie” Lukianu* [Another “Imitation” of Lucian]. Freyberg L.A., ed. *Antichnost i Vizantiya* [Antiquity and Byzantium]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 122–158.

9. Jeffreys E., ed. *Digenis Akritis. The Grottoferrata and Escorial Versions*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 400 p.

10. *Etymologicum Gudianum*. Sturz F.W., ed. *Graecae linguae Gudianum et alia grammaticorum scripta e codicibus manuscriptis nunc primum edita*. Hildesheim, Olms, 1973. 1282 p.

11. Valk M, van der, ed. *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes: 4 Vols. Vol. 1*. Leiden, Brill, 1971. 802 p.

12. Georgii Acropolitae. *Epitaphius in Joannem Ducam*. Heisenberg A., ed. *Georgii Acropolitae opera: 2 Vols. Vol. 2*. Stuttgart, Teubner, 1978. 120 p.

13. Hunger H. *Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum untergang von Byzanz*. Wien, H. Bohlaus, 1972. 27 p.

14. Hunger H. *The Classical Tradition in Byzantine Literature: The Importance of Rhetoric*. Mullett M., Scott R., eds. *Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979*. Birmingham, Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981, pp. 35–47.

15. Dindorf L., ed. *Ioannis Malalae chronographia*. Bonn, Impensis E. Weberi, 1831. 796 p.

16. Thurn H., ed. *Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum*. Berlin, De Gruyter, 1973. 409 p.

17. Joannes Geometra. *Carmina varia argumenti sacri vel historici*. Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus. Series graeca in 161 Vols. Vol. 106*. Paris, J.-P. Migne, 1863, pp. 949–950.

18. Kaplan M. *Pour un modèle économique de l’exploitation agricole byzantine. Problèmes de méthode et premiers resultants*. *Histoire & Mesure*, 1988, vol. 3, no. 2, pp. 221–234.

19. Lawson J.C. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1910. 664 p.

20. Mango C. *Discontinuity with the Classical Past in Byzantium*. Mullett M., Scott R., eds. *Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979*. Birmingham, Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981, pp. 48–57.

21. Minyas (fragmenta). Bernabe A., ed. *Poetarum epicorum Graecorum: Testimonia et fragmenta: 2 Vols. Vol. 1*. Leipzig, Teubner, 1987. 283 p.

22. Gautier P., ed. *Niceiphore Bryennios Histoire: Introduction, Texte, Traduction et Notes*. Bruxelles, Byzantion, 1975. 409 p.
23. Dietsch I.A., van, Aloysius J., eds. *Nicetae Choniatae Historia. Vol. 1*. Berlin, De Gruyter, 1975. 636 p.
24. O'Regan D. *Rhetoric, Comedy, and the Violence of Language in Aristophanes' Clouds*. Oxford, Oxford University Press, 1992. 216 p.
25. Worthington I., ed. *Persuasion: Greek Rhetoric in Action*. London, Routledge, 1994. 277 p.
26. Henry R., ed. *Photius. Bibliothèque: Vol. 1–9. Vol. 7*. Paris, Les Belles Lettres, 1974. 462 p.; Vol. 8. 1 Paris, Les Belles Lettres, 1977. 446 p.
27. Porson R., ed. *Photius. Lexicon*. Leipzig, C.H.F. Hartmann, 1823. 316 p.
28. Westerink L.G., ed. *Psellus Michael. Poemata*. Stuttgart; Leipzig, B.G. Teubner, 1992. 550 p.
29. Schmidt B. *Das Volksleben der Neugriechen und das Hellenische Altertum*. Leipzig, B.G. Teubner, 1871. 254 p.
30. Scholia in plutum (scholia vetera et fort. recentiora sub auctore Moschopulo). Dübner F., ed. *Scholia Graeca in Aristophanem: cum prolegomenis grammaticorum varietate lectionis optimorum codicum integra, ceterorum selecta, annotatione criticorum item selecta, cui sua quaedam inseruit*. Hildesheim, Olms, 1969, pp. 324-387.
31. Adler A., ed. *Suidae Lexicon. Bd. 4*. Lipsiae, K.G. Saur München, 1928. 863 p.
32. Criscuolo H., ed. *Theodosii Diaconi. De Creta capta*. Leipzig, Teubner, 1979. 68 p.
33. Waser O. *Charon, Charun, Charos. Mythologisch-Archaeologische Monographie*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1898. 158 p.
34. Bampiniotes G. *Leksiko tes neas ellenikes glossas* [Dictionary of the New Greek Language]. Athena, Kentro Leksikologias Publ., 1998. 2318 p. (in Greek).
35. Polites N.G. Akritika asmata. O thanatos tou Digene [Akrit Songs. Death of Digenis]. *Laographia* [Folklore], 1909, vol. 1, pp. 169-275. (in Greek).
36. Passow A., ed. *Tragodia romaiika* [The Roman Tragedy] = *Popularia carmina Graeciae recentioris*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1860. 650 p. (in Greek).

Information about the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>